

С. П. ГОРСКИЙ,
доктор филологических наук,
профессор

ЯЗЫК ПОЭЗИИ К. В. ИВАНОВА

Классик чувашской литературы Константин Васильевич Иванов созданием произведений высокого художественного мастерства утвердил нормы чувашского литературного языка. Его оригинальные произведения отвечали духу времени, реалистически отображали картины современной жизни чувашского народа. Поэт восторженно приветствовал первую русскую революцию и в своем стихотворении «Вăранăр, тапранăр» призывал трудовые массы к восстанию против своих поработителей.

Поэтическое мастерство К. Иванова представляет глубокий интерес как с точки зрения языка и стиля, так и практики стихосложения. Богатство идейного содержания произведений и высокое творческое мастерство поэта особенно ясно обнаруживаются при подходе к изучению творчества К. Иванова в связи с общей картиной развития чувашской литературы на основе народной поэзии.

К. Иванов проявлял живой интерес к устному народному творчеству, отдал много сил и времени благородному делу собирания и творческой обработке народной поэзии. Все подлинно народное, отражавшее думы и чаяния народа, все своеобразие мира его материальной и духовной культуры являлось для поэта неиссякаемым источником творческого вдохновения.

Прекрасны у К. Иванова яркие и разнообразные картины народной жизни, зарисовки быта, пейзаж родного края, написанные мастерски, с использованием всех тончайших средств народного языка и стиля, доведенных мастерством поэта до высшей степени совершенства.

Вместе с тем произведения К. Иванова легко доступны самому широкому кругу читателей от дошкольника до пожилых людей. Дошкольник найдет среди них занимательные сказки, ученик и студент получают интересные сведения из общественной жизни чувашского народа в прошлом, человек пожилого возраста восстановит по ним в своей памяти картины прожи-

того, историк углубит свои познания в области этнографии и истории народа, лингвист, литератор и поэт найдут новые языковые и художественные ценности, достаточно еще никем не изученные — и каждый может по-своему проявить свое отношение к любимому поэту.

В чем заключается единственность и красота поэзии К. Иванова?

Прежде всего в том, что красота устной народной поэзии, имеющая свои традиционные особенности, в творчестве поэта воплощена по-новому, что и составляет индивидуальную особенность поэзии К. Иванова.

В области стихосложения К. Иванов признан непревзойденным мастером семисложного стиха, а потому небезынтересно дать краткую историю становления стихотворного мастерства поэта.

В народной поэзии часто встречаются силлабические стихи в пять, семь, девять, одиннадцать и более слогов в каждой стихотворной строке. Наряду с этим часто можно встретить, в особенности в пословицах и поговорках, правильные размеры силлабо-тонического стиха: *Сич хут виç те пёр хут кас*. «Семь раз отмерь и раз отрежь»; *Тимёр йыттән сүс хуре*. «Пес железный, хвост льняной».

К. Иванов в выборе национальной формы стихосложения избрал семисложник и тем самым остался последовательным продолжателем дела своего учителя И. Я. Яковлева, который в букварях издания Симбирской чувашской школы помещал стихотворения, написанные преимущественно этим размером. Интересно отметить, что на родине поэта семисложник не имел господствующего положения, что мы видим из труда Н. И. Ашмарина «Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской» (Казань, 1900). Вот две песни из указанного сборника, записанные в с. Нижние Кармалы Белебеевского уезда Уфимской губ., расположенном поблизости от местожительства К. Иванова:

1. *Сил савърнать, таван, сил савърнать,
Силпе пёрле сёмёрт сыхланать;
Шухашламан чухне сав сўретеп,
Шухашласан чёлхем сыхланать.*

«Ветер кружится, родной, ветер кружится,
А от ветра путаются черемуховые листья.
Когда я не думаю, то хожу спокойно,
А как стану думать, немеет у меня язык».
(Пер. Н. Ашмарина).

2. *Ырă утсем юртать, пуçне ухать,
Инçе сұлсене сывăх тавасшăн;
Тăвансем пăхать, куçне хёсет
Емёрлехе пёрле пурнашăн.*

«Добрые кони бегут рысью и помахивают головами.
Хотят сделать ближе дальнюю дорогу.
Родной мой смотрит и подмигивает глазом,—
Хочет вместе прожить всю жизнь».

(Пер. Н. Ашмарина).

Строфа народного семисложного стиха состояла из трех, четырех, пяти, шести, семи и более стихотворных строк. И. Я. Яковлев пользовался всеми видами подобной строфики. К. Иванов же предпочитал катренную строфу. В произведениях поэта встречается немало примеров построения строфы из двух параллельных рядов предложений:

Хирге сава айёнце
Курак вэш-ваш йаванать;
Усал хуйхэ-суйхэран
Нарспи пуцё усанать.

«Под косою острой вьется,
Пригибается трава;
У Нарспи от злой кручины
Поникает голова».

(Пер. П. Хузангая).

Но следует заметить, что четверостишие народного стиха не давало поэту простора для пространных эпических повествований, так как оно преимущественно состояло из двух однотипных предложений, из которых первое содержало описание явления природы, а второе — жизни человека.

Еще в ранних своих произведениях поэт стал переносить описание целостных картин в следующие строфы. Так, например, стихотворение «Ешёл вэрман айккипе» состоит из двух четверостиший, «Кёркунне» — из трех, «Урапа» из четырех, «Икё хёр» — из восьми, «Чёкеç» — из девятнадцати стихов.

К моменту создания поэмы «Нарспи» К. Иванов усвоил у Пушкина способ передачи отдельных эпизодов (картин) равным количеством стихов, при этом остановился на «строфе» в 20 стихов, считая эту норму наиболее удобной формой передачи любого эпизода из всего произведения. И, действительно, К. Иванов без всякой искусственности укладывается в эту норму стихов при передаче описания природы, описании портрета своих персонажей, глубоко драматических сцен и т. д. Лишь в тех случаях, когда предмет описания слишком велик, К. Иванов прибегает к двойной, тройной норме стихов новой его строфы.

Если пушкинская строфа романа «Евгений Онегин» состоит из 14 стихов, объединенных единой системой рифмы, то у К. Иванова строфа в 20 стихов состоит из пяти обычных строф четверостишия, тем не менее они представляют собой, как увидим далее, единое смысловое, синтаксическое и художественное целое. К. Иванов рифмует первый стих с третьим и второй с четвертым, что выдерживает довольно последовательно в произведениях позднего периода. Рифмы у него большей частью мужские, реже — женские. Характер рифмовки

очень простой: он рифмует по преимуществу слова одинаковой грамматической категории: вёсёнце — ялёнче, а́шáтса — васкаса, хуп-хура — сáп-сáра, пётнёрен — хёртнёрен, иртет — йёрет и т. д..

Безупречная рифма, богатая ритмо-мелодика в системе новой строфы К. Иванова способствуют не только прекрасному оформлению художественной мысли, но и легкому чтению и запоминанию содержания произведений поэта.

Такая строфика давала поэту большой простор для пользования всеми видами конструкций предложений: в основном мы встречаемся в его произведениях с простыми предложениями из пяти-шести слов, с однородными членами, расположенными парами, назывными предложениями, сложными предложениями, состоящими из слабо развернутых простых предложений. Но наряду с этим характерным для стиля поэта является то обстоятельство, что он на заре развития чувашской литературы положил начало развитию периодической речи, что он умело пользуется сложными сцеплениями однородных членов предложений и сложными предложениями с относительными словами в тех случаях, где требуется выделение единичного из общего высказывания.

Периодическая речь в классической литературе характерна перечислением однотипных конструкций, расположенных в нарастающей последовательности по важности повествования и силе интонации. Перечисление кончается сильным напряжением в повествовании и интонации, после чего следует разрядка в форме общего вывода и заключения ко всему повествованию.

Примеры К. Иванова на периодическую речь глубоко народны и весьма разнообразны:

Тёрлэ усал-тёсел мар,
Киреметри хывни мар,
Чир-чёр ертен йёрёх мар,
Сын тухатса хуни мар,
Сук, кин, санан ывáлна
Турá сырна сáплалла.

(«Нарспи»).

«То не духи зла, не Ерех,
Разносящий всюду хворь;
Не коварство Киреметя,
Не людское колдовство.
Нет,— судьбу твоего сына
В книге жизни Пюлех сам
Предсказал»...

(Пер. П. Хузангая).

Часто в рамках двадцатистиховой строфы развертывается единая периодическая речь со вступлением и заключением; причем заключение выражено двумя риторическими вопросами:

Ешёл курáк хушшинче
Сап-сарá чечек ўсет;
Аслá Силпи ялёнче
Нарспи ятлá хёр ўсет.

«Одуванчик яркожелтый
Средь травы цветет в степи.
А в Сильби растет девица
С редким именем Нарспи.

Пичё-кусё пит хўхём,
Хирти сарā чечек пек.
Икё кусё хуп-хура,
Икё хура шārса пек.

Явāнасёё хысалта
Сивёт вёсё кāтрисем.
Утса-утса пынā чух
Шāнкāртататъ тенкисем.
Кусёсемпе пāхнā чух
Каччāн чёри сёкленет,
Сўхе тути кулнā чух
Каччā чунё сёмселет.
Хирти сарā чечеке
Ашā куспа кам пāхмё?
Ун пек лайāх хитре хёре
Мёнле каччā юратмё?

(«Нарспи»).

На лицо она прекрасна,
Как цветочек полевой.
Очи—черные агаты —
Блещут силой огневой.

Вьется локон своевольный,
От косы спускаясь вниз.
Как пройдет упругим шагом—
Раздается звон монист.
Как окинет парня взором —
Затрепещет сердце в нем;
Улыбнется — переполнит
Душу негой и теплом.
Кто приветливо не взглянет
На цветок родных полей?
Кто, красавицу увидев,
Не вздохнет потом по ней?»

(Пер. П. Хузангая).

Повседневная работа Нарспи в доме отца, представляющая собой единую картину, передана периодической речью, хотя эта форма для всего творчества не является характерной:

Ирех тāратъ, тумланатъ,
Нарспи ёсе тытāнатъ:
Е пурсāн сип илет те
Юрла-юрла тёрё тāватъ;
Е сёлеме ларатъ те
Сёвви шārса пек пулатъ,
Сўс хўреллё хурсā йытā
Пёр кёрет те пёр тухатъ;
Е пир тёртме ларатъ те
Вылянтаратъ, āсине;
Е хултāрчā тытатъ те,
Сипне тьет сёррине;
Е сак синчи кушакё
Питне сāва пусласан,
Апат хатёр хāнашāн,
Алли-ури сāmāлран...
Аван иртрё пурāнāс
Хёрён сўлё туличчен,
Ашшё килне хātана
Сичё ютран киличчен.

(«Нарспи»).

«А с утра Нарспи в работе,
Все спорится, что ни взять:
Или, с песней, ярким шелком
Начинает вышивать;
Иль берется шить и бойко
Мелким бисером строчит,—
Пес стальной с хвостом

кудельным

То нырнет, то вверх взлетит;
Иль засядет ткать и ловко
Заиграет челноком;
Иль за скальницу, и цевку
Намотает мигом с холм;
Иль, когда на лавке кошка
Станет лапкой рыльце мыть,
Ждет гостей она желанных,
Стол большой спешит накрыть...
Хорошо жила девица
До положенных годов,
До поры, пока в дом отчий
Не прислал жених сватов».

(Пер. П. Хузангая).

Описание «Силпи ялё», как единое целое, дано периодической речью, составляющей строфу в 20 стихов; компоненты периодической речи здесь отделены точками, которые фактически занимают здесь функцию точки с запятой, что следует учесть при выразительном чтении подобных отрывков:

Силпи ялĕ — пуян ял,
 Ларать вĕрман ашĕнче.
 Кантур пекех сурчĕсем
 Ват йăмрасем айĕнче.
 Ялĕ тавра укăлча,
 Сĕнĕ сатан укăлча,
 Кив капанлă анкарти,
 Тĕрлĕ сĕмĕсле пахча.
 Аслă урам таршшепе
 Хăма витнĕ сурчĕсем.
 Урам ике айккипе
 Ем-ешелех сачĕсем.
 Суртсем тавра килкарти
 Чул хўме пек савăрна.
 Сарă хапка килсерен
 Чĕнтĕрленĕ тарăлла.
 Силпи ялĕ—аслă ял,
 Хула тейĕн инçетрен.
 Ахăр, кунти чăвашсен
 Мулĕ пур-тăр çав вĕсен.
 («Нарспи»).

«А живут в Сильби богато:
 Не один там встретишь дом
 Под прохладой старых ветел
 Наподобие хором.
 Вкруг села—плетень добротный,
 За плетнем полны скирдов
 И копен давнишних гумна,
 Да бахчи полны плодов.
 Вдоль по улице по главной —
 Тесом крытые дворы;
 И садов больших, тенистых
 Пораскинулись шатры.
 А вокруг домов — заборы
 Крепостной стоят стеной;
 И у каждого—ворота
 С разузоренной резьбой.
 Велико Сильби, за город
 Можно издали принять.
 Видно, знают здесь чуваша,
 Как богатство наживать».
 (Пер. П. Хузангая).

Всякого рода необычные, новые конструкции предложений К. Иванов употребляет в стилистических целях. Так, например, поэт чаще употребляет однородные члены парами, но когда необходимо показать действия в нарастающей степени, то количество однородных членов он доводит до трех:

Лаша сикрĕ, ыткăнчĕ,
 Вĕçсе кайрĕ килнелле.
 («Нарспи»).

«Конь отпрянул и стрелой
 Полетел по крутизне» (дословно:
 домой — С. Г.)
 (Пер. П. Хузангая).

Обычным для К. Иванова, как и для народного языка, является употребление сложно-подчиненных предложений переходного типа:

Тухать курăк сăп-сăра
 Хĕвел хытă хĕртнĕрен.

«Выходит трава прегустая
 Вследствие обилия солнечного
 света».
 (Подстрочн. пер. С. Г.)¹

Но вместе с тем нужно отметить, что К. Иванов во всех случаях, когда следует подчеркнуть единичное и конкретное из числа общего, пользуется сложноподчиненными предложениями с относительными словами:

1. Савнă хĕрĕр мĕн ыйтнă—
 Ана пурте хатĕрчĕ.
 («Нарспи»).

«Что попросит любимая дочь —
 Все было к ее услугам».

2. Хăш кин юнлă кашăклă —
 Пĕтнĕ унăн упăшки.

«Кто из снох с кровавой ложкой,—
 Пропал ее муженек».

¹ В дальнейшем подстрочные переводы с чувашского, сделанные нами, даются без оговорок.

3. Пёлёт айё тӑрӑх сил ӑста вёрет, Сумӑр пёлёчӑ те унталлах шӑвать.	«Куда ветер дует в поднебесьи, Туда мчатся и тучи послушные». («Песня про купца Калашникова»)
4. Сетнерпеле пехиллёр — Савӑн чухне тин вара Емёр пёрле пулӑпӑр. («Нарспи»).	«Благословите с Сетнером — Только тогда лишь Все будем навеки вместе».

Для характеристики речи персонажей поэт допускает смешение прямой и авторской речи:

<p>Турёс туя виçӑ кун Хушӑлкари хӑтасем, Анчах кайма тепёр кун Вӑхӑт, теççӑ хӑтасем.</p>	<p>«Пировали свадьбу три дня Гости из Хужалги, Но утром уж ехать Пора, говорят гости».</p>
--	--

Основной особенностью стиля К. Иванова является экспрессивная речь, сопровождающаяся своеобразной мелодикой речи. В синтаксическом плане это проявляется в обильном пользовании инверсированными предложениями. Инверсия К. Иванова носит глубоко народный характер, но текст произведений поэта гуще насыщен примерами на инверсию и значительно разнообразнее, чем отдельные произведения устной народной поэзии.

Инверсия является средством усиления логического ударения при изложении мысли и целиком подчиняется задачам идейного замысла поэта. Взволнованная и возвышенная речь сопровождается логическим акцентом на том или ином слове, которое посредством инверсии ставится на более выгодное место в предложении. В чувашской речи инверсия, т. е. изменение порядка слов в предложении, главным образом выражается в перестановке обычного места групп подлежащего и сказуемого. Обычно подлежащее и его группа стоят в начале предложения, а группа сказуемого — в конце. При подчеркнутом произношении сказуемое и слова, входящие в его группу, выносятся в начало предложения. При незначительном подчеркивании действия сказуемое занимает первое место лишь в своей группе. Логическое выделение субъекта действия ставит подлежащее перед сказуемым. Все слова, произносимые без акцентуации, обычно ставятся в конце предложения. Вот тот кратко изложенный порядок инверсии в чувашском языке, который так четко и ярко выступает в поэтическом синтаксисе К. Иванова. Следует отметить, что этот порядок распространяется также и на вопросительные и восклицательные предложения. Приведем примеры.

Обратный порядок слов в предложении с сильным выделением значения сказуемого использован для изображения внезапного омрачения дум купца Калашникова:

Сулхӑнланчӑ-ҫке ҫирӗп шухӑшпа
Вара ҫамраӑ пуҫӗ Калашник
хуҫан.

«И смутился тогда думой
крепкою
Молодой купец Калашников».

(М. Лермонтов. Песня про купца Калашникова». Пер. К. Иванова).

Вынесение сказуемого на первое место в предложении применяется для значительного выделения действия:

Хӑрамастӑп хаяр вилӗмрен элӗ.

«Не боюсь я смерти лютой».

(М. Лермонтов. «Песня про купца Калашникова», Пер. К. Иванова).

Вынесение сказуемого на первое место в своей группе применяется для незначительного подчеркивания действия:

Ҫӱлӗ йӑмра ашӗнче
Кайӑк юрлать юррине.
(«Нарспи»).

«В ветвях высокой ветлы
Птички песни распевают».

Когда необходимо выделить субъект действия, подлежащее ставится впереди сказуемого, занимающего свое обычное место в конце предложения:

Тӑрать шураӑмпущӗпе
Ирех хире вӑл тухать.
Кӑшт-кӑшт апат тӑвать те
Ҫутӑ ҫава вӑл йӑтать.
(«Нарспи»).

«Встает вместе с зарей
И рано в поле он выходит.
Покушавши кое-как,
Косу новую он берет».

Обстоятельства времени, а также и места, обычное место которых должно быть в начале предложения, при их логическом выделении ставятся впереди сказуемого:

Тапра ыран ярӑпӑр,
Чӱкне ыран чӱклӗпӑр.
(«Раб дьявола»).

«Землю завтра сбросим,
Моленье завтра совершим».

Обратим внимание еще на одну особенность стиха К. Иванова. Акцентируемые слова, находясь в первом или втором полустихии 1—3 и 2—4 стихотворных строк, создают своеобразный параллелизм в интонации. Такой стих не имеет характера рубленой строки, а дает большую возможность выразительно передавать остроту, насыщенность и взволнованность речи. В силу этого легкий ритм силлабического стиха приобретает особую весомость:

Пуш уйӑхӑн вӗҫӗнче
Хӗвел пӑхрӗ ашӑтса,
Силпи ҫаваш ялӗнче
Юр ирӗлчӗ васкаса.
(«Нарспи»).

«Вот весной в конце марта
Солнце теплом согрело,
И в чувашском яле Сильби
Снег быстрехонько растаял».

Некоторые слова в реальном и переносном значениях в стиле К. Иванова часто входят в структуру стиха:

Тёттём вӑрман чӑрӑлет,
Ешӑл тумтир тӑхӑнать.
Ҫеҫенхир те ешерет,
Илемӑе мухтанать.
(«Нарспи»).

«Ожил темный лес. Зеленой
Покрывается листвою.
Степь вдали зазеленела
И гордится красотой».
(Пер. П. Хузангая).

В данном тексте в рифмующихся 1—3 стихах глаголы чӑрӑлет — ешерет «оживает» — «зеленеет» даны в реальном значении, а в другой паре стихов тӑхӑнать — мухтанать «одевается» — «хвалится» — в переносном значении.

К. Иванов широко пользуется словами, взятыми из различных источников языка с подчеркиванием самых тончайших оттенков их значений. Он был сторонником самого решительного расширения словаря чувашского литературного языка за счет бытовых слов всех диалектов чувашского языка. При этом областные слова и выражения он употреблял не в экзотических целях: они вносились им в свое творчество при отсутствии в литературном языке современного поэту периода более удачных слов и выражений для передачи нужных ему понятий. Вместе с тем К. Иванов, большой мастер слова, значительно обогатил чувашский литературный язык как посредством расширения значения уже существовавших слов, так и путем создания новых слов.

В заслугу К. Иванову следует поставить то, что он широко пользовался нормативной лексикой предыдущего периода развития литературного языка: хир «поле», хӑсан «когда», савӑн «радоваться», пичче «старший брат», асаплан «страдать», йӑр «плакать», «рыдать», хурлан «горевать», мӑншӑн «почему», уҫӑ «ключ», вӑрҫ «ругать», «драться», «биться», «сражаться».

Но вместе с тем следует отметить, что поэт даже устоявшимися словами пользуется с большой осторожностью: он всегда учитывал удобопонятность слов и выражений для представителей каждого диалекта и всегда проявлял в отборе слов большое мастерство, что видно хотя бы из следующих примеров: ту «гора», «возвышенность», сӑрт «плоскогорье», «холм», вар «обдернелый овраг с пологими краями», «лог», «дол», ҫырма «река», «речка»; при этом некоторые слова выступают в качестве неологизмов: сарӑ хӑр «красавица», хирӑҫ ҫын «противник», хуралҫӑ-салтак «часовой», кашкӑр-тукмак «волк», йӑкӑт-паттӑр «молодец», «удалец».

К. Иванов стремился придавать силу нормативности словам, бытовавшим в то время как диалектное явление: ёретлет «заходит из дома в дом», хётёрт «понуждать», «соблазнять», йыхӑр «звать», «манить», айкаш «возиться», «хлопотать», кӑлеш «ревновать», тулӑх «изобилие жизненных благ», аякран «издалека», кустар «быстро бегать», сипле «чинить», ӑраскал «счастье» и др.

Ряд слов, употребляемых К. Ивановым в своих произведениях, имеет для нас ныне познавательное значение, свидетельствуя о проникновении их в чувашский язык на почве содружества чуваш, татар и башкир. Эти слова на основной территории, занимаемой чувашами, почти не употребляются; они получили незначительный доступ в литературный язык дальнейшего периода: ётлен «переутомиться», сай «угощение», каллах «напрасно», «попусту», халлахсар «безжалостный», «безучастный», «неслух», сётессе «прибавляют», «дополняют», суй «шум», «гам», «плач», кантарас «вытянуть», «натянуть», «уговорить», «убедить», «настроить», тек тар «спокойно стоять», кёске «еле-еле», маташ «валандаться», «возиться», антал «стремиться», «тянуться», катар «бесноваться», йетет «надоедать», «донимать», «мучить».

Эстетические взгляды поэта не позволяли ему злоупотреблять вульгаризмами. Они встречаются в произведениях К. Иванова редко: пясрлантар «пробери грубыми словами», самах шаптарать «брешет», пакалтатать «болтает вздор», кёссе пит «суконное рыло».

Большое познавательное значение для этнографа имеют архаизмы бытового и культового характера, встречающиеся в значительном количестве в произведениях К. Иванова: евёч «сват», тёнё «маленькое отверстие в стене для дымохода», тевет «название женского убора в виде ленты, украшенной монетами и надеваемой через плечо», калам «весенний чувашский праздник, совпавший впоследствии с христианской пасхой», чук «жертва», «жертвоприношение у язычников-чуваш», пирёшти «ангел», асамас «волшебник», «волшебница».

Поэт К. Иванов мастерски использует слова с переносными значениями и добивается изумительной рельефности и яркости изображения. Сравнение явления, которое неизвестно читателю, с явлением известным, сравнение красивого с более красивым, а некрасивого с менее красивым, противным, делает предмет сравнения еще более понятным, дорогим, знакомым и близким или, наоборот, отвратительным, чужим:

Пичё-кусе пит хухём,
Хирти сара чечек пек.
Икё кусе хуп-хура,
Икё хура шарса пек.

«На лицо она прекрасна
Как цветочек полевой.
Очи — черные агаты —
Блещут силой огневой».

(Пер. П. Хузангая).

В метафорах сопоставление двух явлений заходит настолько далеко, что одно из них как бы вытесняет другое:

Тёттём вярман черёлет,
Ешёл тумтир (сулса) таханать.

«Ожил темный лес. Зеленой
Покрывается листвою».

(Пер. П. Хузангая).

Повторы звуковые, лексические, фразеологические являются своего рода курсивом, они имеют выразительное значение:

1. Шавлать, кашлать сем варман, Вёсё-хёрри куранмасть.	«Лес шумит, гудит дремучий, Не видать просвета в нем». (Пер. П. Хузангая).
2. <i>Килчэ</i> ыра суркуяне, <i>Килчэ</i> , <i>ячэ</i> ашътса.	«Пришла добрая весна, Пришла и согрела».
3. <i>Пырапарах</i> , <i>пырапяр</i> , <i>Пымасайрах</i> юлмапяр!	«Мы придем, придем, Обязательно придем».

В десятой песне, в монологе Нарспи, фраза «Качча пачёс ррёксёр» повторяется в пяти смежных куплетах. Тем самым весьма сильно подчеркивается тот факт, что насильственная выдача Нарспи замуж за ненавистного ей Тахтамана было пагубным злом в ее жизни.

К. Иванов является большим мастером художественного образа. Язык персонажей произведений поэта дает полное представление об их характере. Так, поэт не случайно вкладывает в уста Михедера слова:

Ман хёр пекки каман пур? Кама пурне ун пек хёр? Пушмак сук-и херёмён? Сурет-и вал тенкесёр?	«Кто имеет дочь такую? Где такая рождена? Башмаков ли нет у дочки, Ходит без монист она?» (Пер. П. Хузангая).
--	---

Гордиться богатством, дочерью — это одна из характерных черт кулаков, а Михедер — это типичный кулак того времени. Поэт отобразил его всеильным в обществе, жадным до денег, защитником старых устоев, бесчеловечным к беднякам и дочери, вышедшей из его воли.

К. Иванов умело создает портреты героев произведений. В поэме «Нарспи» образ героини противопоставляется образу ее жениха Тахтамана: насколько привлекателен образ Нарспи, настолько же отвратителен образ Тахтамана. Портреты их даны в таком виде, что читателя невольно привлекает образ Нарспи и отталкивает образ Тахтамана:

Лаптак самса, хёсёк кус, Сара суспе сар сухал; Лаши вёссе пырупа Пичё-кусё пит усал.	«Плосконосый, узкоглазый, С рыжеватой бородой. Искаженный быстрой скачкой Вид разгневанный и злой». (Пер. П. Хузангая).
---	---

К тому же поэт часто наделяет Тахтамана эпитетами иронического характера:

Хушайкара туй иккен Туйё ыгла шеп иккен. <i>Шур сухаллай</i> Тэхтаман Туйне тавать тет иккен.	«В Хужалге, слышать, пируют, Пир-то, кажется, горой. Говорят, справляет свадьбу Тахтаман — старик седой». (Пер. П. Хузангая).
--	---

Такое иронизирование «старых» женихов очень часто употребляется в фольклоре. Нужно отметить, что «старость» возводится в гиперболу даже в тех случаях, когда жених чуть старше невесты. В одной песне, записанной в Ядринском районе, поется так:

Ай пичи Макар пур,
Пичи тесен, пичи мар:
Пирён атгепе пёр ҫулхи;
Мучи тесен, мучи мар:
Кукасипе пёр ҫулхи,
Алла туя тытичен
Авлантарас терёмёр.

«Ой, братец наш Макар,
То ли братец, то ли нет:
С нашим отцом одногодок;
То ли дядя, то ли нет:
С нашим дедушкой одногодок;
Пока ходит он без палки
Мы женить его решили».

Язык и стиль К. Иванова близки читателю тем, что он реально воспроизводит все народные языковые средства, порою поэт полностью и без всяких изменений вставляет в текст произведений народные выражения: Автан ҫурҫёр аватать. «Петух полночь отмечает»; Авантарах апатлан, ака тума вай кётёр. «Ты покушай-ка получше, чтобы сильным быть в работе»; Качча пачёс ирёксёр. «Замуж выдали насильно» и др.

Но вместе с тем, как положительное явление, следует отметить творческую обработку народных выражений в произведениях К. Иванова, без этого язык и стиль поэта остались бы в тени народных выражений, без этого не было бы творческого развития художественных произведений: Тимёр йытган сус хуре. «Пес железный, хвост льяной» (заг.); Сус хурелле хурҫа йыта пёр кётет те пёр тухать. «Пес стальной с хвостом кудельным то ныряет, то вверх взлетает» («Нарспи»). Ёсле-ёсле-ёсле ҫи, ёслемесен ан ҫи! «Работал — так кушай, не работал, не кушай» (погов.); Нумай ёсле, нумай ҫи, хытә тарла, хытә ёс. «Хочешь есть — так поработай, хочешь пить — так попотей!» («Нарспи»). Пер. П. Хузангая).

Ылтәнпа кёмёл тавлашать,
Пәхәр укҫан мән ёс пур?
Тәванпа тәван савашать,
Ҫичё ютән мән ёс пур?
(Народная песня).

Ялтартатать ыра куи,
Усал кунән мән ёс пур?
Саванса утат икё чун,
Ҫичё ютән мән ёс пур?
(«Нарспи»).

«Золото спорит с серебром,
Медным деньгам что за дело?
Веселятся родные вместе,
Чужеродным что за дело?»

«Добрый день настал,
Исчезните, злые дни!
Радостно шагают двое,
Исчезните, все чужие!»

К. Иванов учился у Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Крылова и др. краткой, ясной и точной передаче мысли с учетом всех специфических особенностей оригинала, начиная от размера стиха, строфы, ритмо-мелодики и кончая выбором лексики, грамматических категорий и типов предложений с их синтаксическими формами.

Быть максимально ближе к тексту оригинала, но не оставаться в слепом подчинении его — вот что четко бросается в глаза в переводах К. Иванова.

Приведем всего два примера на отступление от текста оригинала: «злы татаровья» — курайман ташмансем (дословно: «ненавистные враги»); «Всему народу христианскому слава» — Мухтав мёнпур халӑха! Мухтав! (дословно: «Слава всему народу! Слава!»)

Вклад К. Иванова в дело создания современного литературного языка сводится в основном к следующему: нормализация чувашского языка в области фонетики, а также орфоэпии, морфологии и лексики, начатая И. Я. Яковлевым и продолженная с большим успехом К. Ивановым, получила полное признание в наши дни; словарь чувашского литературного языка, продолжая в своем развитии лучшие традиции К. Иванова и отбрасывая ненужные слова реликтового и культового характера, обогащается в наши дни за счет всех диалектов чувашского языка и творческих заимствований из других языков; примеры синтаксической инверсии К. Иванова неподражаемы. Инверсия подчинена у него строгому синтаксическому закону и, сопровождаясь необходимой интонацией, всегда применяется лишь для большей выразительности повествования; К. Иванов, как талантливый мастер художественного слова, обогатил литературный язык новыми удачными выражениями, которые с течением времени приобрели характер крылатых выражений и афоризмов:

Сака́ сута́ те́нчере
Вӑйли́ сук та э́темрен.

(«Нарспи»).

«Нет сильнее человека
В целом мире никого».

(Пер. Б. Иренина).

Пуяни́лӑхра анчах мар,
Ыр кура́сси сы́ннинче.

(«Нарспи»).

«Не в одном богатстве счастье,
В жизни дорог человек».

(Пер. Б. Иренина).

Литературное наследие Константина Васильевича Иванова — это подлинная весна в развитии чувашской литературы. Великий и скромный труженик отдал всю жизнь и громадный талант созданию славы чувашской литературе. В зените своего творчества поэт создал бессмертную поэму «Нарспи», занявшую подобающее ей место среди лучших образцов художественной литературы народов СССР.

К. Иванов как автор своих произведений оставался почти неизвестным капиталистическому обществу, лишь в наши дни он приобрел славу подлинного мастера художественного слова. По мере нашего овладения марксистско-ленинским методом исследования поднимается и значение творчества К. Иванова в глазах широкого круга читателей и исследователей.

Страстная любовь К. Иванова к устному народному творчеству, глубокая народность его произведений, стремление к воплощению в них прогрессивных идей и высоких идеалов своего времени, непревзойденная художественная форма их определили место К. Иванова в истории чувашского литературного языка.

К. Иванов, собирая устную народную поэзию, во всей глубине познал жизнь родного народа, а первая русская революция окрылила, вдохновила его революционными идеями, позволила глубже понять противоречия в обществе того времени. Поэта-гуманиста глубоко тревожили неравенство и угнетение в семье и обществе, а потому он не остался простым бытописателем, а стал яростно бичевать пороки современного ему общества.

Связь поэта с революционными идеями, с прогрессивными традициями русской литературы и литературы братских народов, горячие симпатии ко всему передовому, новому в общественной жизни позволили поэту встать в один ряд с крупными мировыми именами.

Основная идейно-художественная ценность творчества К. Иванова — это реализм, верность успевшим уже установиться традициям молодой чувашской литературы в области стихосложения, языка и стиля и индивидуальная работа по дальнейшему их усовершенствованию.

К. Иванов смотрел на жизнь глазами трудовых слоев крестьянства, его творчество в этом смысле носит глубоко народный характер. Поэт впервые в чувашской литературе широко показал жизнь и характер чуваш. Читатель увидел мир, в котором он живет, со всей красотой и диким произволом «сильных на свете».

В чувашской литературе трудно назвать другого поэта или писателя, творчество которого имело бы такое же значение для последующего ее развития, как К. Иванов. Богатым материалом для творческой учебы чувашских поэтов служат многие стороны художественного мастерства К. Иванова: тематика, средства образного изображения, композиционное и сюжетное строение произведений, техника стихосложения, языка и стиля, особенности синтаксических инверсий в целях логического выделения слова, звуковой организации стиха и т. д.

Поэт Г. Тал-Мрза с успехом продолжал в советское время литературные традиции К. Иванова, а поэт-коммунист М. Сеспель с грандиозным успехом осуществил переход к силлаботоническому стихосложению, так скромно начатому К. Ивановым. Возможно, что К. Иванов, написав несколько произведений силлаботоническим размером, не мог продолжать работу в этом направлении, так как силлаботонический стих К. Иванова, написанный с соблюдением нормы ударения низовых

чуваш, для представителей верховых чуваш не имеет ритмо-мелодической прелести. Вот один пример:

Сутӑ юхӑм унӑн айенче
Сӱлтен ылтӑн хевел сӱтатать;
Канӑссӑр! сӱл-тавал шавечче
Канлӑх пур пек, тӑвал вӑл шырать.

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой:
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой».

(М. Лермонтов «Парус».
Пер. К. Иванова).

Успех М. Сеспеля по внедрению силлабо-тонического стиха объясняется тем, что он в своей деятельности не был одинок, как К. Иванов. Начинания М. Сеспеля в вопросе перехода на единые литературные нормы ударения, столь необходимые для дальнейшего развития чувашской литературы, были подхвачены С. Эльгером, Н. Васянка, П. Хузангаем и рядом других поэтов.

К этому следует еще добавить, что и в народной поэзии, и в силлабическом стихе К. Иванова имеется немало примеров силлабо-тонического стиха с правильным чередованием ударных и неударных слогов:

Сӱс хӱреллӗ хурсӑ йытӑ
Пӗр кӗрет те пӗр тухать.

«Пес стальной с хвостом
кудельным
То нырнет, то вверх взлетит».
(Пер. П. Хузангая).

В этих стихах наряду с правильным чередованием ударных и неударных слогов имеется и другое отличие от семисложника — неравное количество слогов—8-7. В старых исследованиях подобные явления в стихах К. Иванова часто объяснялись самовольным вторжением редакторской руки в правку стихов поэта. Следует заявить, что в поэзии К. Иванова они представляют собой не что иное, как силлабо-тонический элемент его прекрасного семисложника. Поэт не мог избегать их, так как народная поэзия содержит подобные примеры в большом количестве.

Следует также отметить высокую драматичность произведений К. Иванова, вследствие чего любимая всеми поэма «Нарспи» много раз драматизировалась и в настоящее время по тексту В. Алагера и А. Калгана ставится на сценах, а по тексту И. Максимова-Кошкинского исполняется как первая чувашская опера в музыкальном оформлении И. Пустыльника.

Советские читатели всех наций, все исследователи литературного наследия К. Иванова с чувством глубокого уважения называют имя классика чувашской литературы, удивительного нормы чувашского литературного языка, как одного из замечательных поэтов чувашского народа, оставившего глубокоидейное творческое наследие, столь богатое самыми сильнейшими средствами художественного слова.